

СПРАВЕДЛИВОСТЬ ПРАВА КАК ОСНОВАНИЕ ЕГО ИНТЕГРАТИВНОСТИ

***Е.А.ЗЕМЛЯНИНОВА, младший научный сотрудник Института государства и права
Национальной академии наук Беларуси***

В статье автор обосновывает взаимосвязь между осуществлением посредством права принципа социальной справедливости и реализацией интегративного потенциала данного регулятивного института. По его мнению, именно справедливость права и особенности внешнего выражения юридических предписаний являются основанием интегративной роли права в обществе. Анализируя сложившиеся в социально-философской и юридической литературе подходы к пониманию социальной справедливости, автор излагает собственное представление о содержании указного феномена, а также о форме его воплощения в праве. Содержательная сторона справедливости предстает как иерархия социальных ценностей, получившая моральное одобрение (легитимацию) в данном конкретном обществе. Формальный аспект справедливости права проявляется в особой процедуре ее реализации, которая предполагает согласование, компромисс, гармонизацию разнородных социальных интересов при формулировании правовых моделей поведения. Представленное автором понимание социальной справедливости и особенностей её реализации должно стать основой создания совершенствования и практического осуществления норм правового законодательства.

Впервые интегративные свойства права стали объектом исследования в конце XIX – первой половине XX века в работах основателей и последователей классической школы юридической социологии (Л. Дюги, Э. Дюркгейма, М. Ориу, Е. Эрлиха и др.), которые видели в нем преимущественно лишь средство институционализации уже присущих обществу упорядоченности, целостности, солидарности. Интегративная роль права по отношению к различным институтам (подсистемам) общества также неоднократно отмечена современными зарубежными и отечественными социологами и юристами (Т. Парсонсом, Р. Паундом, В.В. Лапаевой, В.П. Казимирчуком, В.Н. Кудрявцевым, С.Г. Дробязко, А.А. Соколовой и др.). Однако в понимании последних исследователей право предстает как реальный инструмент управления обществом, средством «социальной инженерии» (в терминах Р. Паунда), согласования социальных интересов, предотвращения и устранения социальных конфликтов.

Общество способно сохранить единство и устойчивость только в том случае, если устанавливаются оптимальные связи между различными сферами его жизнедеятельности, которые не угрожали бы его гармоничному развитию и целостности. Последнее возможно лишь на основе согласованной, дифференцированной на подсистемы, но внутренне интегрированной и соответствующей социальным потребностям нормативной системы («социетального единства»). Условия нормативной интеграции общества, сформулированные американским социологом и политологом Т. Парсонсом, не были опровергнуты в ходе дальнейшего развития социальных наук: 1) недостаточная степень непротиворечивости, определенности и обобщенности норм, формулирующих общественные ожидания; 2) моральное обоснование нормативных обязательств и социальных ожиданий, отражающее приверженность ценностям и соединяющее общество с нормативным

аспектом культурной системы (легитимизация нормативной системы); 3) наличие эффективной совокупности санкций, поддерживающих систему норм (институционализация нормативной системы); 4) интернализация (включение в духовный мир) ценностей и норм общества его членами, создающая консенсусное основание их сообщества и способствующая формированию ожиданий в процессе социального действия (т.е. осуществления роли или системы ролей с целью удовлетворения определенных потребностей) [1, с. 366–370].

Каждой общественной подсистеме характерны свои цели и задачи: экономика создает материальные условия существования человеческого сообщества; идеология формирует цели и программы социального развития; политика опосредует мобилизацию ресурсов для достижения социально значимых целей; религия и мораль способствуют усвоению того минимального набора ценностей и норм, которые необходимы личности для включения в поле социальной коммуникации; культура призвана сохранить наиболее ценные образцы общественной практики. В результате в каждой из указанных сфер жизни общества генерируются свои собственные ценности и основанные на них модели социального действия.

Право как способ регулирования важнейших общественных отношений можно представить в виде их равнодействующей, как институциональную форму взаимодействия различных подсистем общества. Подобная интегративная роль права по отношению к различным областям социальной практики, по нашему мнению, одновременно обусловлена особой внешней формой его выражения и одним из основных принципов, определяющим его содержание, – принципом справедливости. По верному выражению английского правоведа Д. Ллойда, «...без справедливости оно является насмешкой, если не полным отрицанием самого себя» [2, с. 133].

В самом общем, идеальном смысле справедливость можно понимать как соответствие, соразмерность, эквивалентность деятельности и результата, деяния и воздаяния и так далее, которые могут быть оценены с точки зрения должного [3, с. 28]. Однако, будучи перенесенной в социальную плоскость, она теряет свои идеальные очертания и отвлеченный характер. Весь спектр современных представлений о феномене социальной справедливости охватывается неоднородными по содержанию конкурирующими теориями универсального и локального направлений.

Концепциям первого типа присущ универсализм и исключительный рационализм их положений, они формулируют единые принципы и процедуры осуществления справедливости, в основном апеллируя к идее общественного договора. Например, один из представителей указанного направления Дж. Ролз обосновывает свой вариант договорной теории «справедливости как честности», используя понятие «исходное положение» в качестве способа формулирования и описания процедуры ее осуществления. «Исходное положение» представляет собой особый «исходный статус-кво»,

гарантирующий честность достигаемых в его рамках соглашений [4, с. 30]. Честность является итогом равенства участников принятия решений как «моральных личностей», которые имеют свою концепцию блага и способны к чувству справедливости [4, с. 32]. Равенство обеспечивается благодаря «занавесу неведения», благодаря которому все субъекты общественного договора не знают особенностей своего социального положения [4, с. 127]. Основная интуитивная идея «справедливости как честности», по Ролзу, состоит в том, что поскольку «благосостояние каждого зависит от схемы сотрудничества, без которого никто не мог бы иметь удовлетворительной жизни, разделение преимуществ должно быть таким, чтобы вызвать желание к сотрудничеству у каждого, включая тех, чье положение ниже» [4, с. 28]. Поэтому единственный выбор, который может быть сделан участниками договора, – следующие моральные принципы справедливости: каждый имеет равное право в отношении равных основных свобод, совместимое с подобным правом других; экономическое и социальное неравенство допустимо только к наибольшей выгоде наименее преуспевших и при условии сохранения равенства возможностей в доступе к положениям и должностям [4, с. 28, 267].

Представители партикуляристского подхода к рассмотрению социальной справедливости, напротив, настаивают на ее относительном характере, который может быть рассмотрен только в рамках определенного общества, и критикуют универсалистов за несоответствие практике их предельно широких теоретических построений. Примером может служить концепция «сложного (комплексного равенства)» М. Уолзера, согласно которой различные сферы социальных благ управляются собственными принципами распределительной справедливости: каждому одно и то же; каждому – по потребностям; каждому – по заслугам; каждому – по рангу; каждому – по профессиональной пригодности; каждому – то, что положено по закону [5, с. 85]. Неравенства в одной сфере распределения благ не должны порождать неравенства в других сферах. Кроме того, М. Уолзер настаивает на невозможности установления общей для всех обществ иерархии благ, а также единых принципов, определяющих справедливое распределение благ данной конкретной группы. Рассуждения исследователя приводят его к следующему выводу: «Данное общество справедливо, если жизнь в нем протекает ... образом, соответствующим общеразделяемому пониманию членов (общества – *авт.*)» [6, с. 85].

Осмысливая данные направления социально-философской мысли, следует согласиться с тезисом о локальном характере социальной справедливости, поскольку даже ролзовские построения в виде «концепции блага» и моральной «способности к чувству справедливости» содержательно пусты вне значений и ценностей определенной культуры. Тем не менее, категория «социальная справедливость» всегда предполагает наличие не только контекстуально-культурного, но и формально-процедурного компонентов, поскольку условия жизни конкретного общества всегда

систематизируются и обобщаются в процессе познания в виде формальных принципов и процедур осуществления справедливости. Таким образом, наиболее абстрактная формула справедливости, которая нам доступна в отношении общества вообще, состоит в соответствии принципов и процедур функционирования социальных отношений общественным идеалам, ценностям, ожиданиям.

Несмотря на то, что большинство исследователей-юристов единодушны в определении справедливости как одной из важнейших аксиологических предпосылок функционирования права, тем не менее, и в юридической литературе высказываются различные мнения по вопросу о собственном содержании и характере указанного понятия. С целью исследования данного вопроса автору представляется интересным рассмотреть суждения современных правоведов В. С. Нерсисянца и А. В. Полякова.

В. С. Нерсисянцу свойственно максимально «высокое» и ценностно интонированное представление о праве, которое видится ему как нормативное триединство формального равенства, свободы и справедливости [7, с. 70,75]. Он полагает, что право – единственная сфера, где справедливость находит свое воплощение и реализацию, а логика отрицания ее правовой природы ведет к заключению о несправедливости права вообще [7, с. 68]. По мнению В. С. Нерсисянца, справедливо лишь то, что «выражает право, соответствует праву и следует праву» [7, с. 66]. Владик Сумбатович также обращает внимание на то, что требования социальной справедливости могут быть признаны и удовлетворены «лишь постольку, поскольку они согласуемы с правовой всеобщностью и равенством» [7, с. 69]. Иную теоретическую позицию занимает А. В. Поляков, который указывает, что право выражает справедливое постольку, поскольку оно отражает должное. Тем не менее, отдельные элементы правовой реальности, по его мнению, рационально могут быть оценены как несправедливые, но легитимные с точки зрения иррационального признания, то есть как сохраняющие свою социальную значимость [8, с. 323–324]. Кроме того, справедливость носит в праве относительный характер, что связано с отсутствием у него возможности выступать ее абсолютным критерием, а также отсутствием единства представлений о ней [8, с. 336]. Само же содержание справедливости, согласно А. В. Полякову, обусловлено не природой права, а духовными и материальными условиями жизни общества [8, с. 339].

Поскольку общество всегда существует лишь в рамках определенной системы пространственно-временных координат и соответствующих им внутренних и внешних, духовных и материальных факторов, то, по моему мнению, можно утверждать, что не только его институты (в т. ч. и право), но и оно само как целое не содержит ответа об абстрактном, априорном критерии справедливости. Это не исключает возможности ее бытия как ценности в той или иной форме в различных областях социальной практики с той поправкой,

что содержание справедливости зависит от конкретной сферы ее реализации, а также от общего контекста жизни общества.

Однако, думается, что не следует разграничивать справедливость как рациональную оценку права и легитимность как его иррациональное признание. Поскольку сознание индивидов и социальных групп всегда предстает в единстве его рационального и иррационального (чувственного) компонентов, правовая реальность «схватывается» им как непосредственная и непрерывная данность. Следовательно, теоретическая оппозиция указанных понятий необоснованна – справедливость права в качестве более широкого понятия в своем иррациональном аспекте предполагает легитимность. На оценку правовой справедливости могут, например, повлиять такие бессознательные структуры человеческой психики, как архетипы – универсальные модели психической активности, спонтанно определяющие мышление и поведение [9, с. 46].

Представляется, что правовая справедливость не может существовать иначе, кроме как в форме согласования, гармонизации, примирения интересов субъектов социальной практики. Интегрированные таким образом интересы, основанные на социальном признании и подкрепленные, вследствие своей значимости, принудительной силой со стороны всего общества, и составляют ее обобщенную «формулу». Однако не все социальные интересы могут быть согласованы и учтены, что указывает на относительный характер правовой справедливости и ставит вопрос о принципах ее реализации. Автор разделяет мнение В. В. Лапаевой, согласно которому формальный ориентир осуществления справедливости в праве состоит в учете так называемого «правообразующего интереса» – итога «согласования различных социальных интересов таким образом, чтобы свобода в реализации интересов одних субъектов не ущемляла бы равной меры свободы других субъектов» [10, с. 173]. Кроме того, указанная интеграция возможна только при выявлении шкалы социальных приоритетов – важнейших общественных интересов, ради которых социальные субъекты готовы пожертвовать иными собственными интересами [11, с. 152]. Именно на основании правообразующего интереса могут быть сформулированы и реализованы обобщенные, определенные, непротиворечивые нормы, а, следовательно, выполнено первое условие «социетального единства» (в терминах Т. Парсонса), поскольку соответствие общеразделяемому понятию справедливости обеспечивает единообразное толкование и практику применения социальных норм.

Следует все же отметить, что соответствие интегрированному интересу есть лишь соответствие процедурной форме справедливости. Например, Д. Ллойд, рассматривая справедливость в праве преимущественно как логический принцип, (предполагающий следующие формальные условия: существование норм, необходимых для рассмотрения конкретных случаев, распространение их на весь круг подпадающих под них субъектов и беспристрастность их применения) [2, с. 137–138], все же отмечает, что

«...формальная идея справедливости не может диктовать, согласно каким признакам следует предпочесть одни ценности другим» [2, с. 152].

Далее, конкретизируя содержание правовой справедливости, уместно обратиться к суждениям Н. Н. Алексеева, который рассматривал любой интерес как проявление ценностного значения [12, с. 126], а справедливость определял как «истинную меру относительного достоинства» [12, с. 120], «иерархический порядок» [12, с. 119], «конкретное отношение» [12, с. 122] ценностей. Особого внимания заслуживают приведенные им «законы общественной справедливости». Последние могут и должны быть использованы при юридическом оформлении социальных предпочтений. «1) Каждая реализованная ценность находится в ценностном отношении к любой из других реализованных ценностей. 2) Каждая реализованная ценность имеет право на полноту своего достойного существования и развития в пределах общей системы ценностей. 3) Каждая реализованная ценность, в случае нарушения нормальных отношений с другой ценностью, имеет право на установление равновесия. 4) Отношения реализованных ценностей определяются мерой достоинства присущей каждой из ценностей. 5) Отношения эти составляют общий порядок социальной солидарности» [12, с. 122].

Однако ценности и их отношения, определяющие содержание справедливости, чтобы отражать само ее существо, должны покоиться на подлинно нравственных основаниях. Именно поэтому Н. Н. Алексеев рассматривал ее не только как объективный правовой порядок, но и как внутреннюю добродетель членов общества, без которой он невозможен [12, с. 127]. «...Как можно мыслить, чтобы общественная организация была устроена на началах чести, достоинства, взаимного уважения и самоопределения членов, если эти последние бесчестны, лишены чувства самоуважения, привыкли неуважительно относиться к чужим правам и склонны к постоянным оскорблениям?» – спрашивал он [12, с. 128]. Словно ответом на этот вопрос звучит мысль его современника П. И. Новгородцева: «...Лучшие люди и лучшие учреждения не приведут к ожидаемому совершенству, если основной фактор истории, составляющий душу и тело социального организма, – народ в его совокупности – не возвысится к новым нравственным навыкам и чувствам» [5, с. 327–328].

Современный американский философ Р. Рорти, рассуждая о социальной солидарности, сетовал на то, что она сильнее тогда, «когда те, с кем мы выражаем свою солидарность, мыслятся как «один из нас», где «мы» означает нечто меньшее и более локальное, чем человеческая раса» [13, с. 242]. Вследствие этого аргумент «потому что она человек» слаб и неубедителен при объяснении великодушного поступка [13, с. 242]. Связываемая Рорти с прогрессом нравственности и усилением солидарности способность – увидеть в любом другом человеке существо, испытывающее боль и унижение и пережить их как свои собственные [13, с. 243], думается, и составляет

предпосылку справедливости как добродетели. Вне упомянутой способности отсутствует готовность пожертвовать своим частным интересом ради общего блага, а, следовательно, невозможно и формулирование общего правообразующего интереса. Таким образом, реализация социальной справедливости посредством права внутренне предполагает моральное обоснование («легитимизацию» в терминах Т. Парсонса) его норм, которое невозможно без внутренней добродетели членов общества, «подсказывающей», какую иерархию ценностей следует предпочесть. Вне своего нравственного наполнения справедливость права остается умозрительной конструкцией, осуществляется лишь как формальная процедура и теряет свое содержание.

Освещенная моральными императивами и представлениями о социальном идеале справедливость, действительно, суть – «душа» права, но чего бы стоили лучшие ее порывы вне особой формы изложения и реализации юридических норм. Именно право в силу его формальной определенности, корреспондирующего характера (взаимосвязи прав и обязанностей), возможности и строгой регламентированности процедур применения санкций способствует ее наиболее полному практическому осуществлению. Указанные обстоятельства свидетельствуют о наивысшей степени институционализации правовых норм по сравнению с предписаниями иных социальных подсистем, которая, согласно Парсонсу, является третьим необходимым условием интеграции общества.

Право, которому посредством реализации принципа справедливости удается наиболее полно воплотить общий интерес, превращается в наиболее «востребованный» регулятивный институт, поскольку в этом случае оно в наибольшей степени соответствует общественным ожиданиям. Обладающие подобным соответствием правовые нормы и ценности интегрируют внутренний духовный мир социальных субъектов, т.к. они способны минимизировать разрыв между представлениями об идеальном и реальным типом общественной системы, а, следовательно, создают у членов общества ощущение социального «комфорта», «укорененности» в бытии. Позитивная нравственная значимость правового принципа справедливости способствует освоению («интернализации» в терминах Т. Парсонса) ценностей и образцов поведения в важнейших областях общественной практики, что создает основу гражданского согласия, упорядочивает социальные ожидания и также является, согласно Парсонсу, последним необходимым условием «социетального единства».

Поскольку установление интегрированного интереса возможно только на основе социальных приоритетов, то право затрагивает важнейшие области общественной жизни, оказывает интегрирующее воздействие не только на уровне социальных субъектов, но и общественных институтов. Тем не менее, оно остается лишь одной из сфер социальной жизни, его функционирование подчинено идее целого, что неминуемо влечет вопрос о пределах воздействия

права на иные структурные элементы социальной системы. Следует отметить, что установление четких социально обоснованных критериев юридизации общественных отношений все еще остается проблемой правовой науки, требующей глубокого исследования и осмысления. Кроме того, все подсистемы общества выступают факторами правообразования, поэтому уместна и обратная постановка вопроса о границах воздействия других областей общественной практики на правовую подсистему. Думается, что право должно интегрировать позитивные достижения иных сфер социальной жизни в той мере, в которой это бы не разрушало сущностное «ядро», определяющее его содержание, – принцип справедливости, преступив который право правом быть перестает.

Новизна авторских выводов связана с перенесением социальной парадигмы Т. Парсонса в область юридического знания с целью исследования интегративных свойств права и обоснования решающей роли принципа справедливости в их реализации. Предложенное понимание правовой справедливости должно, по нашему мнению, стать методологической предпосылкой создания, совершенствования и реализации норм правового законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / Под ред. Т. Парсонса / Пер. (сокращ.) с англ. В. В. Воронина, Е. В. Зиньковского. М.: Прогресс, 1972. 392 с.
2. Ллойд Д. Идея права / Под ред. Ю.М. Юмашева. М.: Югона, 2002. 416 с.
3. Коновалова О. В. Роль СМИ в создании современной концепции социальной справедливости // Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика. 1995. №1. С.26–29.
4. Ролз Дж. Теория справедливости / Науч. ред. и пер с англ. В. В. Целищева. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1995. 536 с.
5. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. СПб.: Лань, 2000. 352 с.
6. Печерская Н. В. Современный дискурс справедливости: Джон Ролз или Майкл Уолцер? // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 77–88.
7. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: Учеб. для юрид. вузов и факультетов. М.: НОРМА, 2001. 552 с.
8. Поляков А. В. Общая теория права: Феноменолого-коммуникативный подход. Курс лекций. – 2-е изд., доп. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 845 с.
9. Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия / Главн. науч. ред. и сост. С. Ю. Солодовников. Мн.: МФЦП, 2002. 1008 с.
10. Лапаева В.В. Социология права / Под ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА, 2000. 304 с.
11. Социология права: Учеб. пособие / В. В. Глазырин, Ю. И. Гревцов, В. В. Зенков; Под ред. В. М. Сырых. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2001. 480 с.
12. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб.: Лань, 1999. 256 с.
13. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / Пер с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.

SUMMARY

In the article the author grounds the correlation between implementation of social justice principle in law and this regulative institute integrative potential realization. According to the author, these are justice of law and juridical prescriptions external expression characteristics, that constitute the reasons of integrative role of law in society. Based on the analysis of social justice theories, that found in social, philosophical and juridical doctrine, the author formulates her own idea of mentioned phenomenon content and of its law embodiment form. Contentual side of justice

Землянинова, Е.А. Справедливость права как основание его интегративности / Е.А. Землянинова // Юридический журнал. – 2007. – № 1 (9). – С. 62–66.

appears as social values hierarchy, that has obtained moral approval (legitimation) in the concrete society. Formal aspect of justice of law becomes apparent in special procedure of its realization, that includes different social interests coordination, compromise and harmonization. The interpretation of social justice, presented by the author, serves as the methodological base of creation, improvement and implementation of law norms.